

Когда Тан Цинфэн ушел, люди начали наперебой проклинать его.

— Посмотрите на этого мальчишку! Если бы кто-то действительно взял его к себе, еще неизвестно, что бы из него выросло.

— Верно. Мой Сяо Хэй и так трусоват, если такой, как этот, придет к нам в дом, боюсь, он его совсем затерроризирует.

— А я вот не за мальчишку боюсь. У меня ведь дочка подрастает. Если у него уже сейчас такие дурные мысли, не станет ли моя девочка в опасности?

— Довольно! Вы сами не захотели его брать. Разве теперь, когда он все высказал, это не то, чего вы и добивались? К чему столько жалоб? — Старый староста чувствовал себя до крайности измотанным и мечтал лишь об одном — поскорее добраться до кровати.

— Староста, дело не в нас, просто у парня характер никуда не годится, — не унимался кто-то из толпы.

— А с чего бы ему быть с вами любезным? Как вы к нему относились? Разве не как к товару, высчитывая, сколько зерна уйдет на его прокорм и через сколько лет он начнет приносить вам доход? — Староста, словно одержимый, тыкал пальцем в сторону односельчан и яростно отчитывал их. — Древние люди рвали полы одежды, чтобы разорвать узы дружбы, а Тан Цинфэн сегодня сделал то же самое. С этого момента каждый идет своей дорогой, мы больше не имеем друг к другу никакого отношения! — Староста повторил слова Тан Цинфэна. — Семилетний ребенок сказал такие вещи, а вам самим не стыдно? Не совестно?

Люди пристыженно опустили головы, хотя в душе их чувства разнились: кто-то считал, что ничего особенного не произошло, а кто-то чувствовал себя несправедливо обиженным — мол, ничего плохого не сделали, а получили такой нагоняй, но возразить старосте никто не посмел.

Выплеснув гнев, староста бессильно осел на стул и махнул рукой:

— Уходите. Все уходите.

Люди, переглянувшись и оценив выражение лица старосты, перешептываясь, разошлись.

Через день-другой все жители деревни уже знали об этом случае. Девушки и молодые жены, занимаясь шитьем или готовкой, только об этом и судачили. Одни говорили, что Тан Цинфэн еще мал и неразумен, другие жалели сироту, а третьи злорадствовали, гадая, как же семилетний ребенок собирается выживать в одиночку.

Услышала об этом и жена Чжэна. Вечером она ворочалась в постели, не в силах уснуть, а старик Чжэн храпел так, что стены дрожали. Раздраженная женщина несколько раз толкнула мужа в бок.

— Чего тебе? Спи давай, — пробормотал старик Чжэн, перевернувшись на другой бок.

Но жена не унималась и растолкала его.

— Что за дело такое, что до утра подождать нельзя? Я за день так умаялся, сил нет, — старик Чжэн накинул одежду, слез с кровати и налил себе воды.

Жена тоже накинула халат и села на край кровати:

— Хозяин, ты слышал? Цинфэн сказал, что будет жить один и не хочет, чтобы его содержали родственники.

Старик Чжэн поперхнулся:

— Что? Жить один? Да сколько ему лет-то? Он просто дурачится.

— Даже если дурачится, слова-то уже сказаны, он даже церемонию разрыва отношений провел. По-моему, ребенок просто не выдержал обиды. — Жена Чжэна знала характер Тан Цинфэна, ведь она присматривала за ним столько лет.

Старик Чжэн налил еще воды и протянул жене, не высказывая своего мнения. Та выпила и вернула чашку. Вдруг ее осенила мысль. Она похлопала по краю кровати, приглашая мужа сесть рядом.

— Может, сходим к нему и уговорим перебраться к нам?

Старик Чжэн, сняв обувь, забрался обратно под одеяло:

— Боюсь, он не захочет. Спи, не забивай голову. Завтра решим.

Жена согласилась: дела лучше обдумывать на свежую голову.

На следующее утро, едва рассвело, женщина, не переставая думать о мальчике, поспешила к дому Тан Цинфэна. Войдя, она увидела, как малыш Тан возжигает благовония перед табличками своих родителей. У женщины сжалось сердце. Дождавшись, пока он закончит, она тоже подошла к алтарю, зажгла палочки и, закрыв глаза, прошептала:

— Братец Тан, сестрица. Вы видите, в каком положении оказался Сяо Цинфэн. Люди холодны, жаль мальчишку. У меня есть желание забрать его к себе, но я боюсь, как бы он не истолковал это превратно. Поэтому сначала спрашиваю вас: если вы согласны, пусть дым от благовоний идет прямо вверх. Если нет — пусть подует ветер, и я пойму.

Она трижды поклонилась и осторожно вставила палочки в курильницу. Пождав немного, она увидела, что дым поднимается ровной струйкой, и на душе у нее стало спокойно. Оставалось только придумать, как начать разговор.

— Тетушка Чжэн, присядьте, я принесу вам чаю, — Тан Цинфэн указал на табурет, а сам отправился на кухню, налил воды в чашку и вернулся. — Тетушка, прошу прощения, чая в доме не осталось, только вода.

Тан Цинфэн говорил это совершенно спокойно и открыто, двумя руками протягивая чашку гостю.

— Ой, да что ты, мне и воды достаточно, — женщина взяла чашку и сделала несколько глотков. Пока она пила, мальчик принес из кухни миску каши и тарелку с остатками еды с прошлых дней. У женщины сердце разрывалось от жалости, и слова вырвались сами собой:

— Сяо Цинфэн, иди к нам! Раз они тебя не хотят, мы тебя примем.

Рука мальчика, державшая миску, дрогнула. Глаза его мгновенно покраснели. Он отправил ложку каши в рот, долго жевал, пытаясь что-то сказать, но голос не слушался, и он продолжил есть.

Женщина встала, забрала миску, поставила ее на стол и села рядом. Глядя, как он доедает, она закатала рукава и, усадив его за стол, принялась убирать посуду.

На кухне царил беспорядок: в котле стояла вода с грязными мисками, в кастрюле из-под каши осталось немного еды. Обернувшись и посмотрев на Тан Цинфэна, у которого на личике еще виднелись следы сажи, она лишь укрепилась в своем решении забрать его к себе. Быстро прибравшись, она начала разговор:

— Сяо Цинфэн, пойдем со мной. Ты ведь совсем ребенок, как ты будешь заботиться о себе? — Говоря это, она не смогла сдержать слез.

Тан Цинфэн хотел вытереть ей слезы рукавом, но, подняв руку, увидел, что тот весь в саже. Пришлось вытирать ладонью.

— Тетушка Чжэн, я знаю, что вы жалеете меня и не хотите, чтобы я мучился. Но я не могу проглотить эту обиду. Я не бесполезный ребенок, который только и умеет, что просить еды. Я уже достаточно взрослый. Думаю, я найду место подмастерья, чтобы прокормить себя, а там видно будет.

Женщина притянула его к себе, погладила по голове, взяла за руки. Всего за несколько дней его ладони стали такими грубыми. Она крепко сжала их:

— Быть подмастерьем очень тяжело. Лучше иди к нам. У нас в доме нет детей, считай, что будешь нам за родного сына, хорошо?

Тан Цинфэн не был бесчувственным. К жене Чжэна он испытывал почти материнские чувства. Его родная мать умерла рано, и он почти забыл, как она выглядела. В той, прошлой жизни, у него тоже была семья, но из-за развода родителей он не познал настоящей материнской любви. Поэтому сейчас, в этой жизни, он искренне привязался к этой женщине.

— Тетушка Чжэн, позвольте мне подумать, хорошо? Я только недавно решил искать работу. — Его планы начали меняться. Сначала он хотел стать подмастерьем, чтобы освоить ремесло, а потом, используя знания из прошлой жизни, заработать первый капитал.

— Конечно, думай, сколько нужно, я подожду. А пока приходи к нам обедать. В таком огромном доме одному страшно, да и ночью всякое бывает.

— Не нужно, — улыбнулся Тан Цинфэн, — в доме больше нет ничего ценного, кроме книг моего отца. Никому они не нужны.

— Не хочешь жить у нас — не надо. Но приходить обедать обязан! Ты хоть вспомни, как я готовлю свиную рульку, неужели откажешься? — Искушение едой на Тан Цинфэна действовало безотказно.

Мальчик почувствовал, что снова проголодался, хотя только что позавтракал. Слюнки потекли сами собой.

— Хорошо, тогда я буду у вас питаться, спасибо, тетушка.

— Вот и славно, не стоит благодарности. — Женщина ушла в полном удовлетворении.

После ее ухода Тан Цинфэн задумался, какое ремесло выбрать, но ничего подходящего на ум не приходило. Подняв глаза на шкафы с книгами, оставшимися от отца, он вдруг просиял.

В прошлой жизни в университете были ассистенты, помогавшие профессорам в исследованиях. Если стать учеником у учителя в частной школе, это будет два дела в одном.

Тан Цинфэн уже просматривал книги отца. Некоторые иероглифы были ему непонятны, но общий смысл он уловил. Отец, похоже, был человеком незаурядным: добрая половина книг в шкафах оказалась посвящена путевым заметкам, описаниям деликатесов и всяким записям о жизни в горах и лесах.

<http://bllate.org/book/21782/2252359>